

Что такое буллинг и как с ним бороться?

В сокращенном виде опубликовано в журнале «Семья и школа», 2006, № 11. с.15-18.

Как я его открыл?

Последние несколько лет я пишу книгу «Мальчик – отец мужчины», посвященную особенностям развития и социализации мальчиков. Один из стержневых аспектов этой темы – сущность и формы проявления мальчишеской (мужской) агрессии, потому что именно по этому параметру (и по сексуальным свойствам), мальчики сильнее всего отличаются от девочек.

Челябинская трагедия (дело Андрея Сычева) привлекла мое внимание к такому специфическому явлению разновозрастных мужских сообществ как дедовщина. Вопреки распространенному мнению, явление это не исключительно российское. По-английски оно называется хейзинг (hazing), на поисковом Интернет сервере это слово упоминается 460 тысяч раз. Чтобы вписать российскую ситуацию в мировую картину, я написал и поместил на своем вебсайте небольшую заметку на эту тему. Никого из российских политиков она, разумеется, не заинтересовала, но главный редактор «Семьи и школы» Петр Ильич Гелазония ее прочитал и предложил опубликовать расширенный вариант в своем журнале, с которым я сотрудничаю с 1970-х годов, что и было сделано (см. «Семья и школа», 2006, № 3, с.20 -22).

Занявшись хейзингом, я обнаружил, что он, в свою очередь, считается разновидностью еще более широкого явления, так называемого буллинга. Английское слово буллинг (bullying, от bully – хулиган, драчун, задира, грубиян, насильник) обозначает запугивание, физический или психологический террор, направленный на то, чтобы вызвать у другого страх и тем самым подчинить его себе. Раньше это было просто житейское понятие, но в последние 20 лет оно стало международным социально-психологическим и педагогическим термином, за которым стоит целая совокупность социальных, психологических и педагогических проблем.

На портале MSN буллинг упоминается 1.334.734 раза. Ему целиком посвящено несколько больших национальных и международных серверов, таких как Bullying.org, Bullying Online, Stop bullying, Bullying net и т.д. Существуют национальные общественные организации по борьбе буллингом, специально обращенные к детям, учителям и родителям. Люди их активно читают. Например, английский сервер www.bullying.com.uk – bullying online посетили свыше 1.300 тысяч человек. «Канадская инициатива по предотвращению буллинга» – www.bullying.org не только дает систематические консультации по профилактике буллинга и оказывает помощь его жертвам, но ежегодно проводит Неделю информации о буллинге (Bullying awareness week), последняя такая неделя прошла с 13 по 18 ноября 2006 г.

Не отстают от общественности и ученые – психологи, социологи, педагоги и криминалисты. В одних только публикациях издательства Сейдж, издающего научные книги и журналы по общественным и гуманитарным наукам, буллинг упоминается 1084 раза (см. Sage journals online), причем речь идет о серьезных

исследованиях. Просмотрев примерно треть из них этих статей, плюс – несколько книг и публикаций других научных издательств, я почувствовал потребность поделиться этой информацией, не вдаваясь в детали, с отечественными читателями. Честное пионерское, это касается всех и каждого!

Масштабы и социально-психологическая сущность явления

Буллинг – явление глобальное и массовое. По словам 1200 детей, ответивших на вопросы Интернет-сайта KidsPoll, буллингу подвергались 48 % , в том числе 15% - неоднократно, а сами занимались им 42 % , причем 20 % - многократно. По данным всемирно известного психолога Дана Ольвеуса, в Норвегии 11 % мальчиков и 2.5 % девочек признались, что в средних классах школы они «буллили» кого-то из своих товарищей. В английском Шеффилде соответствующие цифры составляют 8 % и 4 % . Среди опрошенных в 1995 г. учащихся 558 американских средних школ не сталкивались с буллингом только 20 % опрошенных . По подсчетам американского психолога Энтони Пеллигрини (1998) булли составляют приблизительно от 7 до 15 % , а их жертвы – от 2 до 10 % всех детей школьного возраста. Согласно недавнему (2001 г) американскому исследованию, объектами которого были свыше 15,000 школьников с 6 по 10 класс, 17 % из них признались, что в течение прошлого учебного года они «иногда» или чаще подвергались буллингованию, 19 % сами кого-то буллили, а 6 % были одновременно и субъектами, и жертвами буллинга.

Расхождения в цифрах естественны. Одни называют буллингом серьезные акты агрессии, а другие – любые угрозы и оскорбления, без которых не обходится даже самое миролюбивое человеческое сообщество. Тем не менее понятно, что речь идет о серьезном и массовом явлении.

По мнению большинства исследователей, изложенному в народной Интернет энциклопедии «Википедия», буллинг включает четыре главных компонента:

1. Это агрессивное и негативное поведение.
2. Оно осуществляется регулярно.
3. Оно происходит в отношениях, участники которых обладают неодинаковой властью.
4. Это поведение является умышленным.

Различают два типа буллинга: непосредственный, физический, и косвенный, который иначе называют социальной агрессией. Это поведение имеет свои возрастные, половые (гендерные) и иные психологические закономерности.

Чаще всего речь идет об отношениях, складывающихся в детской среде, но буллинг нередко практикуют и взрослые. За ним стоит не только и не столько неравенство физических сил, сколько дисбаланс власти, позволяющий одному ребенку подчинить себе другого, причем такое взаимодействие между двумя или несколькими детьми неоднократно повторяется в течение продолжительного времени. Хронические акты вербальной и физической агрессии, направленные на одних и тех же жертв, создают между ними стабильные отношения, в которых буллинг на одном полюсе дополняется виктимизацией на другом полюсе. Эта специфическая форма агрессии, особенно характерная для среднего детства и

для младших подростков, всегда направлена против одних и тех же детей. При переходе из начальной школы в среднюю буллинг несколько ослабевает, но у некоторых детей это - устойчивая личностная черта, с возрастом меняются лишь формы ее проявления.

В своей знаменитой книге «Буллинг в школе: что мы знаем и что мы можем сделать?» (1993) норвежский психолог Дан Ольвеус следующим образом определяет **типичные черты учащихя, склонных становиться булли:**

- Они испытывают сильную потребность господствовать и подчинять себе других учеников, добиваясь таким путем своих целей.
- Они импульсивны и легко приходят в ярость.
- Они часто вызывающе и агрессивно ведут себя по отношению к взрослым, включая родителей и учителей.
- Они не испытывают сочувствия к своим жертвам.
- Если это мальчики, они обычно физически сильнее других мальчиков.

Типичные жертвы буллинга также имеют свои характерные черты :

- Они пугливы, чувствительны, замкнуты и застенчивы.
- Они часто тревожны, не уверены в себе, несчастны и имеют низкое самоуважение.
- Они склонны к депрессии и чаще своих ровесников думают о самоубийстве.
- Они часто не имеют ни одного близкого друга и успешнее общаются со взрослыми, нежели со сверстниками.
- Если это мальчики, они могут быть физически слабее своих ровесников.

Эти взаимодополнительные свойства являются отчасти причиной, а отчасти следствием буллинга.

Вместе с тем существует и другая, численно меньшая, категория жертв буллинга, так называемые провокативные жертвы или булли-жертвы. Часто это дети, испытывающие трудности в учебе, письме и чтении и / или страдающие расстройствами внимания и повышенной возбудимостью. Хотя эти дети по природе не агрессивны, их поведение часто вызывает раздражение у многих одноклассников, учителя их тоже не любят, что делает их легкой добычей и жертвами буллинга и способствует закреплению социально невыгодных психологических черт и стиля поведения .

Как всякое сложное явление, буллинг не имеет ни однозначного объяснения, ни универсальных способов преодоления и предотвращения. Одни ученые изучают преимущественно индивидуальные, личностные свойства булли и их жертв, другие – социально-психологические процессы булливирования и виктимизации (как один ребенок делает своей жертвой другого), третьи – макро- и микросоциальные закономерности соответствующих групп и сообществ (почему одни школы и коллективы больше благоприятствуют буллингу, чем другие).

На личностном уровне, «классические» булли отличаются повышенной агрессивностью, слабым самоконтролем за своими импульсами и высокой терпимостью к агрессивному поведению как таковому. Иногда за этим стоят врожденные генетические или гормональные особенности, например, повышенный уровень «мужского» гормона тестостерона.

В научной литературе долгое время существовало мнение, что за «крутизной» и агрессивностью буллы часто прячутся тревожные и неуверенные в себе индивиды, которым буллинг позволяет скрывать и компенсировать свое пониженное самоуважение. Однако, как показывают специальные исследования, с использованием проективных тестов и гормональных замеров, такие случаи редки. Как правило, типичный булла не страдает пониженным самоуважением и достаточно уверен в себе. Буллы применяют силу не спонтанно, в связи с обычными детскими конфликтами, а сознательно, оставаясь эмоционально спокойными и равнодушными (Рубин, Буковски и Паркер, 2006). При этом они часто не встречают сопротивления, поскольку дети, которые чаще других подвергаются буллингу, отличаются социальной отрешенностью, склонностью уклоняться от конфликтов, либо, напротив, повышенной агрессивностью. Тем самым буллы и их жертвы как бы дополняют друг друга, между ними складываются специфические парные отношения, которые разворачиваются в системе детских внутригрупповых взаимоотношений. Психологическая взаимосвязь буллинга и виктимизации достоверно прослежена не только в США, Канаде и европейских странах, но и в Индии и Южной Корее. Это не локальный, а кросскультурный феномен. Тем не менее связь буллинга и виктимизации не имеет однозначного объяснения.

Одни ученые апеллируют преимущественно к индивидуальным свойствам конкретной пары: социально изолированные, выключенные из групповых связей дети становятся легкой добычей буллы потому, что не могут адекватно ответить на провокации, без которых не обходится никакое детское, особенно мальчишеское, сообщество (феномен «мальчика для битья»). Агрессивный же или гиперактивный ребенок виктимизируется потому, что его поведение раздражает других детей и провоцирует встречную агрессию с их стороны («провокативная жертва»). То есть у разных типов детей существуют разные механизмы виктимизации.

Другие психологи фиксируют внимание не столько на индивидуальных свойствах ребенка, сколько на его положении в группе. Как правило, дети не любят и виктимизируют тех сверстников, которые стоят в стороне от коллектива и не способствуют достижению общих групповых целей – единства, гармонии и развития. Почему это происходит, дети, особенно мальчики, зачастую не различают. Агрессивные и просто отчужденные (может быть в силу своей более ярко выраженной индивидуальности) дети часто оказываются одинаково уязвимыми, и за это их наказывают, а булла кажется всего лишь исполнителем групповой воли. Это очень большая социально-педагогическая проблема.

Кроме того, за буллингом нередко стоят социально-экономические факторы, например, имущественное, социальное и этническое неравенство. Мальчики из бедных и неблагополучных семей вымещают свои фрустрации на более благополучных сверстниках, заставляя их испытывать страх и одновременно - чувство своей неполноценности по сравнению с более сильными, мужественными, неуправляемыми и крутыми выходцами из низов. В результате создается некий противоречивый симбиоз, когда подростки и юноши из разных социальных слоев одновременно ненавидят и неудержимо привлекают друг друга.

Раньше такие отношения объясняли преимущественно эмоциями, как «вымещение агрессии» и т.п. В современной психологии на первый план чаще выдвигают проблемы социального неравенства. Неодинаковое положение в

школьной иерархии побуждает выходцев из низов бороться за увеличение своего «культурного капитала» (термин французского социолога Пьера Бурдьё), с чем связано и повышение социального статуса. Но если дети из социально благополучной среды ассоциируют свой «культурный капитал» преимущественно с учебными достижениями, то для других мальчиков этот путь недостижим (их начальная материально-образовательная база слишком слаба) или неприемлем, потому что в их семьях господствуют другие ценности, далекие от задач школьного образования. Свою «мужественность» такие мальчики доказывают не хорошими отметками, а победным счетам в драках, агрессивным дистанцированием от «женственности» и «гомосексуальности», спортивными достижениями, умением устанавливать и поддерживать доминантные отношения с девочками, грубостью с ними, хвастовством своими сексуальными успехами и т.п. За личными свойствами здесь скрывается социальное происхождение, а самоутверждение осуществляется путем насилия (Клейн 2006).

Практически во всех странах и возрастах буллинг больше распространен среди мальчиков, чем среди девочек, и его жертвами также чаще становятся мальчики. Это не просто озорство или грубость, а особая форма взаимоотношений.

По канадским данным, на игровых площадках буллинг встречается вдвое чаще, чем в школьном классе. Буллинг во многом зависит от структуры и степени оформленности детского коллектива. По наблюдениям американских психологов (Пеллегрини и Бартини 2001), у 10-12 –летних мальчиков буллинг сильнее всего выражен в начале учебного года, когда мальчики энергично борются за место в групповой иерархии, позже, когда этот процесс завершен и иерархия оформлена, буллинг ослабевает. Каждый знает свое место.

Половые (гендерные) свойства буллинга связаны не столько с повышенной агрессивностью мальчиков как таковых (агрессивных по природе мальчиков значительно меньше, чем принято думать), сколько с особенностями мальчишеской нормативной культуры, которая заметно меняется с возрастом. В среде маленьких мальчиков физическая агрессия, как правило, влечет за собой непопулярность и социальное отторжение со стороны сверстников. У младших подростков положение меняется: «крутизна» и агрессивность способствуют повышению статуса мальчика у сверстников собственного пола, а затем и у девочек. Многочисленные кросс-культурные исследования показывают, что более напористые мальчики пользуются большим успехом у девочек, чаще имеют свидания с ними, раньше приобретают сексуальный опыт и т.д.

Мальчики и девочки пользуются разными формами буллинга. Если мальчики чаще прибегают к физическому буллингу (пинки, толчки и т.п.), то девочки охотнее пользуются косвенными формами давления (распространение слухов, исключение из круга общения). Впрочем, эта разница относительна и похоже, что она уменьшается.

Разница мужского и женского буллинга может быть связана с тем, что у мальчиков и девочек могут быть неодинаковые критерии популярности. Например, исследование 400 греческих школьников 4-6 классов (Андреу 2006) показало, что агрессия, как явная, так и условная, уменьшает популярность девочек, тогда как мальчиков явная агрессия делает более популярными. Возможно, дело не только в гендерных стереотипах, согласно которым мальчик должен быть «крутым», но и в том, что условная агрессия предполагает умение пользоваться ситуацией, тогда

как явная часто свидетельствует просто о недостатке социальных навыков общения. В отличие от девочек, мальчикам этот недостаток прощается (во всяком случае, они сами так считают).

В школе мальчик не только учится, но и продолжает конструировать собственную маскулинность, главный принцип которой – не делать ничего «девчоночьего». Драчун, который нарушает школьные правила и никого не боится, сплошь и рядом становится героем и предметом восхищения, тогда как «хороший мальчик» и отличник - всеми презираемый маменькин сынок. Чтобы отвести от себя это подозрение, мальчики стараются максимально дистанцироваться от девочек, вырабатывая и культивируя отношение к ним как к людям третьего сорта. Для младших подростков такая установка вполне нормальна, но ее закрепление в старших возрастах чревато серьезными опасностями.

Во-первых, она способствует тому, что девочки все чаще становятся объектами буллинга.

Вот фрагмент письма, которое оставила покончившая с собой английская девочка:

«Я не хотела вылезать из машины, мне хотелось умереть. Я подошла к двери, пошла по коридору, у лестницы стояли мальчишки, они хотели поставить мне подножки, как мило. Мне удалость пройти, не превратившись в посмешище. Я чувствовала, как трясется мой жир, когда я входила в зал. Как я его ненавидела! Я привыкла мысленно разговаривать сама с собой, это единственное, что давало мне возможность жить. Вот Лея. «А правда, что ты лесбиянка?» Я не знала, что ответить, я ничего не сказала и ушла. Почему они это делали? Почему со мной? Потому что я толстая. Это длится уже полгода, каждый день одно и то же» («Почему они это делали? Почему со мной?» // Семья и школа, 2005, № 5, с.21)

Во-вторых, буллинг становится нормативным образом «настоящего мужчины», на которого нужно равняться. Воспитанные в этом духе мальчики не умеют общаться с девочками на-равных, да и все прочие конфликты пытаются решать с помощью силы, что делает их опасными как для окружающих, так и для самих себя. В свою очередь, мальчики, ставшие жертвами буллинга, стесняются обращаться за помощью к взрослым и пытаются защитить себя с помощью ответной агрессии, что нередко усугубляет их социальные и психологические трудности.

Эти проблемы весьма заботят педагогов и психологов.

В Португалии при обследовании свыше 4000 10-12-летних детей из 10 средних школ выяснилось, что в ситуации повышенного риска в отношении буллинга находятся мальчики и выходцы из низших социальных слоев (Перейра и соавт., 2004).

У бразильских старшеклассников, в культуре которых важное место занимает мачизм (идеология мужского верховенства), буллинг значительно больше распространен среди мальчиков и тесно связан с сексуальными домогательствами. При этом интенсивность буллинга коррелирует с общим плохим поведением, и многое зависит от степени нетерпимости к буллингу со стороны учителей (ДеСуза и Рибейро, 2005).

Австралийские школьники также занимаются буллингом чаще девочек. Его распространению способствует общее отрицательное отношение мальчиков к потенциальным жертвам буллинга и мнение, что их друзья воспринимают такое поведение положительно. Интересно, что отрицательное отношение родителей к буллингу влияет лишь на девочек, мальчики в этих вопросах ориентируются только на мнение собственной среды (Ригби, 2005).

В последние годы буллинг сильно заботит и японских педагогов. Недавний опрос 2923 японских школьников 7-9-х классов о психосоциальных факторах буллинга, выдвинул на первый план такие факторы как влияние на подростков девиантных сверстников и слабый самоконтроль над собственной агрессивностью и импульсивностью, а на противоположном полюсе - недостаток напористости и неумение сопротивляться нажиму (Андо, Асакура и Саймонс-Мортон, 2005).

Интересное 6-летнее лонгитюдное исследование 156 мальчиков и 126 девочек было выполнено в Англии (Шеффер и соавт., 2006) Ученых интересовало, насколько стабильны роли булли и его жертвы в начальной и средней школе. Выяснилось, что роль булли относительно стабильна, ее играют одни и те же мальчики, тогда как роль и положение жертвы больше зависят от ситуативных условий. В тех школьных классах, где существует жесткая иерархическая структура, ребенок вынужден играть отведенную ему роль жертвы и после перехода из младших классов в средние. Если же класс слабо структурирован, ребенок может от этой роли освободиться. Эти наблюдения имеют практическое социально-педагогическое значение.

Одна из важнейших закономерностей буллинга состоит в том, что отношение к нему детей с возрастом меняется. Как уже говорилось, среди младших мальчиков булли обычно непопулярны, однако у подростков картина меняется. Индекс популярности подростка в его естественной среде связан как с просоциальным, так и с антисоциальным поведением. Изучение большой группы мальчиков 4-6 классов показало, что центральные места в их системе взаимоотношений занимали, с одной стороны, «образцовые мальчики», которых считали неагрессивными, спортивными, лидерами, старательными и общительными, а с другой – «крутые ребята», воспринимаемые как популярные, агрессивные и физически развитые. С возрастом и в более «уличной» среде популярность «плохих мальчиков» возрастает. По сравнению с другими школьниками, булли имеют больше друзей, более высокий социометрический ранг и, при выровненных показателях темпов полового созревания, больший успех у девочек (Мутаппа и соавт. 2004). А поскольку булли выбирают себе таких же агрессивных друзей, буллинг нередко становится групповой активностью. Это еще больше затрудняет сопротивление ему со стороны отдельно взятого индивида, способствуя криминализации общей атмосферы в классе, школе и т.д.

Конкретные формы и способы буллинга постоянно меняются. Новейшее «достижение» в этой области – так называемый **кибербуллинг**, т.е. буллинг, осуществляемый с помощью электронных средств коммуникации. Свыше половины опрошенных канадских подростков (Кинг Ли, 2006) сказали, что им известны такие случаи, причем почти половина «кибербуллей» развлекались таким образом неоднократно, большинство жертв и очевидцев взрослым не жалуются. Как и среди обычных булли, среди кибербулли преобладают мальчики. Девочки, ставшие жертвами кибербуллинга, чаще мальчиков сообщают об этом взрослым.

Буллинг существует не только среди детей, но и в отношениях между учителями и учащимися. Некоторые учителя, злоупотребляя властью, оскорбляют, унижают и даже бьют своих учеников, а другие подвергаются буллингу с стороны учащихся. Психологически эти процессы взаимосвязаны. По данным опроса 114 учителей английских начальных школ, учителя, которые в начале своей профессиональной карьеры пережили ученический буллинг, больше других склонны подвергать ему своих учеников и, в свою очередь, подвергаются травле с их стороны, как в классе, так и вне школы. Среди учителей различают полярные типы буллизмиста, получающего удовольствие от злоупотребления властью над детьми, и беспомощной жертвы буллии (Твемлоу и соавт. 2006).

Особое место буллинг, и не только в форме ритуализированного группового хейзинга, занимает в военных учебных заведениях. Этому благоприятствует их закрытость и культ агрессивной маскулинности, а также определенные макросоциальные процессы. Современные юноши заканчивают образование и начинают трудиться значительно позже, чем это было в прошлом. Их гражданское созревание часто отстает от физического. Как пишет американский журнал «Военная мысль», это создает дополнительные проблемы для военных училищ. Жизнь на всем готовом, подчинение приказам командиров и жесткая зависимость от группы уменьшает у некоторых юношей заботу о своем будущем, способствуя развитию известной инфантильности, включая сохранение некоторых типично подростковых реакций, чрезмерную зависимость от мнения товарищей и недостаточную индивидуализацию поведения и ценностей (Поливар, 2001)

Еще страшнее выглядят буллинг и его последствия в пенитенциарных учреждениях, например, в тюрьмах. Нидерланды – очень либеральная страна, по российским стандартам, голландская тюрьма больше похожа на дом отдыха, чем на исправительное учреждение. Однако специальное исследование суицидального поведения заключенных в нидерландских тюрьмах показало, что оно тесно связано с буллингом. 34 % всех изученных дел о самоубийстве заключенных включали в себя случаи буллинга, который резко повышает риск самоубийства (Блаув, Винкель и Керкхоф, 2001). Однако наиболее распространенные конфликты между заключенными (оскорбления, кражи или побои) связаны не с дисбалансом власти между разными категориями заключенных, а с процессами виктимизации. Ученые считают, что для предотвращения насилия в тюрьмах важно не столько находить и наказывать булли, сколько ослаблять виктимизацию, повышая способность потенциальных жертв сопротивляться принуждению и угрозам (Эдгар 2005).

Даже сравнительно безобидный, на поверхностный взгляд, школьный буллинг имеет опасные долгосрочные психологические последствия. Американские психологи установили, что буллинг и виктимизация порождают такие серьезные личностные проблемы как тревожность и депрессию, расстройства питания, низкое самоуважение и неудовлетворенность школой. Виктимизация ребенка в школьные годы часто сопровождается повышенной застенчивостью и пониженным доверием к людям в студенческом возрасте (Янцер и др., 2006) и т.д. и т.п.

Как с этим бороться?

Школьный буллинг рассматривается в современном мире как серьезная социально-педагогическая проблема. В странах Евросоюза не раз проводились

совещания на уровне министров образования и выработывались законодательные меры по его профилактике (Ананьяду и Смит 2002).

Антибуллинг-акции проводятся как на местном, так и на национальном и даже международном уровне. Речь идет не о полном преодолении буллинга – это явно невозможно, насилие и угрозы – неотъемлемая часть нашего мира, - а лишь о профилактике его наиболее опасных последствий.

Хотя общепринятой стратегии в этом деле нет, в нем есть определенные положительные результаты. Самая эффективная антибуллинг-программа инициирована Д. Ольвеусом в Бергене 20 лет назад, она успешно применяется в Норвегии, где ей с 2001 г. придан статус приоритетной общенациональной программы. Эта программа основана на 4 базовых принципах, предполагающих создание школьной (а в идеале – и домашней) среды, характеризующейся:

1. теплом, положительным интересом и вовлеченностью взрослых;
2. твердыми рамками и ограничениями неприемлемого поведения;
3. последовательным применением некарательных, нефизических санкций за неприемлемое поведение и нарушение правил,
4. наличием взрослых, выступающих в качестве авторитетов и ролевых модели.

Программа действует как на школьном и классном, так и на индивидуальном уровне, ее главная цель – изменить «структуру возможностей и наград» буллинг-поведения, результатом чего является уменьшение возможностей и наград за буллинг (Ольвеус 2005).

Ничего педагогически сенсационного в этих принципах, на мой взгляд, нет, но они конкретизируются в тщательно разработанной системе психодиагностики, методов социально-педагогического вмешательства и подготовки педагогических кадров.

Многолетние систематические контрольные исследования показывают, что применение программы Ольвеуса существенно, на 30-50 %, снижает число учащихся, подвергавшихся или подвергавших буллингу других детей, причем самооценки подтверждаются оценками соучеников. При этом существенно снижаются также общие показатели по антисоциальному поведению, включая вандализм, воровство, пьянство и прогуливание уроков. Улучшается «социальный климат» школьного класса, отраженный в отчетах учеников о порядке и дисциплине, складываются более положительные социальные взаимоотношения между школьниками, а также их отношение к школьным занятиям и к школьной жизни в целом.

Конечно, Норвегия – одна из самых благополучных и «спокойных» европейских стран, но частичное применение программы Ольвеуса в Англии и США дало и там положительные, хотя и меньшие, результаты (Ольвеус 2005). Его анкеты и методы работы широко представлены в Интернете и, судя по моему опыту, он охотно высылает запрашиваемые тексты и материалы. Много полезного есть и в опыте других стран. Например, в Канаде успешно применяется методика ранней психодиагностики детской агрессивности, которая позволяет предвидеть и отчасти корректировать будущее поведение потенциально проблемного ребенка.

Почему этот опыт плохо известен в России? Почему нас вообще мало волнует буллинг, пусть даже под другим именем? В художественной форме эта проблема была психологически точно поставлена уже в замечательном фильме Ролана Быкова «Чучело». В условиях нашей криминализованной страны проблема стоит не менее остро, чем на Западе, но мы вспоминаем о ней только в связи с очередными скандалами, и не для того, чтобы понять сущность явления, а лишь ради того, чтобы найти «конкретного виновника», а точнее – **назначить** на эту роль очередного подходящего козла отпущения.

На мой взгляд, за этим стоит не столько бедность и социальная неустроенность страны, сколько рабская **притерпелость** к произволу и насилию. Мы не привыкли уважать ни свое, ни чужое человеческое достоинство. Ребенок для нас – не самоценный субъект, а частица чего-то безличного, что в советское время называли «человеческим фактором», а теперь именуют «демографической проблемой». Если детей нужно рожать главным образом ради того, чтобы не ослабела мощь государства и наши природные богатства не достались другим народам, кому какое дело до буллинга? Это всего лишь нормальный способ воспитать в ребенке умение постоять за себя. Неважно, кто его бьет, лишь бы он научился давать сдачи, а еще лучше – нападать первым.

Буллинг – традиционно мужское, но не исключительно мужское явление. По мере утверждения гендерного равенства, его все чаще практикуют и девочки, в том числе – и в отношении мальчиков. Задача воспитания не в том, чтобы вернуть все на круги своя, напомнив мальчику, что он никогда и ни в чем не может быть слабее девочки, а в том, чтобы ограничить сферу применения насилия и строить взаимоотношения между людьми на основе взаимной выгоды и с учетом индивидуальных особенностей каждого. Это очень трудно, но другого пути нет.